

Фото Юрия Барыкина - 1994 - март

Майя Плисецкая: (~13) - 6 + «Все, что делали другие, я никогда не повторяла»

Полвека сценической деятельности, еще больше - земной жизни. И все так же изящна, грациозна, ослепительна. И мир по-прежнему в восторге и рукоплещет Майе Плисецкой.

- Искусство построено на конфликте. А ваша жизнь?

- Я написала книгу, которую только что отдала в печать. Называется она "Я - Майя Плисецкая". В ней - вся моя жизнь. Начинаю с 29-го года, когда умерла моя бабушка, и заканчиваю октябрем прошлого года, путем в Москве, во время которого был мой вечер в Большом театре. Поэтому сейчас рассказывать о своей жизни не буду, все рассказывает в книге, наберитесь терпения, дождитесь лета, и все прочтете. Не думаю, что после этого будет много вопросов.

- Трудно было писать?

- Трудно, очень трудно. Слава Богу, у меня были дневники, иначе бы не взялась. Я начала их писать, как пришла в театр, нерегулярно, к сожалению, и не обо всем, только о спектаклях. Думала, что это будет для меня важно, оказалось, что это самое неважное. Но тогда я не собиралась писать книгу.

- Вечера, посвященные 50-летию вашей сценической деятельности, прошли во многих театрах мира.

- Да, я думала, московский вечер будет последним, но идея понравилась, ее подхватили. Такой вечер был в Испании, в апелле будет в Токио, где я танцую "Айседору" и "Лебедя" - два номера в вечере.

- Вы много ездите по миру, нравится кочевая жизнь?

- Я бы не сказала, что очень нравится. Но, с другой стороны, хорошо и мир посмотреть, и показать свои возможности. На одном месте тоже скучно, а ведь первая половина жизни прошла именно так. Кроме Москвы, меня нигде не видели.

- Вас это тяготило?

- Это просто бездарно - сидеть всю жизнь на одном месте.

- Удалось потом наверстать?

- Вы знаете, что-то наверстала, а что-то - нет. Потому что и время ушло, и молодость ушла. Что-то другое я сделала, но то, что могло быть тогда, ушло безвозвратно.

- Что вы думаете о сегодняшнем русском балете?

- Я живу в Мюнхене и, к сожалению, мало вижу, но то, что удается увидеть, по-моему, не стоит внимания. Мне не хочется ругаться, но считаю, что с русским балетом дело обстоит плохо. В Петербурге пока еще сохраняется вагановская школа, а в Москве совсем ничего нет - ни педагогов, ни хо-

реографов, ни нового репертуара. Молодые артисты разъезжаются по миру, кто куда может. Мне говорили: пожалуйста, скажите кому-нибудь директору или хореографу, на любых условиях согласны, только бы уехать, только бы устроиться.

Нас обогнали и французы, и американцы, даже венесуэльцы. Я приехала в Каракас и совершенно обалдела от того, как они

танцуют и классику, и модерн. У них заметен прогресс, потому что они общаются со всем миром, а мы по-прежнему ни с кем. В мою бытность в Большом я эту стену лбом прошибала. Альберто Алонсо прошел, что было невероятно, а вот Бежара мне не удалось показать. Один раз я со скандалом танцевала "Болеро" и однажды - "Айседору". Все было трудно. А Бежар мечтал работать на сцене Большого.

Серж Лифарь говорил, что, если ему дадут поставить "Федру" в Москве, он отдаст письма Пушкина, но и на это наплевали. И теперь все решают те же люди. Они как не пускали, так и непускают, управы-то нет ни на кого, а кто рот откроет, тот вылетает из театра.

- А что вас поражает в западном балете?

- Меня уже давно ничто не поражает. Они профессиональ-

нее танцуют, с меньшими ошибками, "грамотно пишут", если можно так сказать. При "Гранд опера" очень хорошая школа и становится все лучше и лучше. И потом, у них огромный репертуар, они на нем растут. Чего нет у нас. Но оркестр, который играет одну и ту же вещь, какой бы он ни был замечательный, обязательно начнет деградировать.

- Думаете, Международный конкурс молодых исполнителей, которому вы дали свое имя и жюри которого возглавляете, сможет изменить положение?

- Одно то, что конкурс пройдет в Петербурге, - уже хорошо. Ведь в Петербурге начинали танцевать все те, кто прославил русский балет в XX в. Здесь в 1907 г. начались Дягилевские сезоны, здесь танцевали Павлова, Нижинский, отсюда русский балет триумфально прошел по сценам всего мира. Англичане, американцы, французы брали русские фамилии, чтобы выступать в нашей труппе. Это был тот случай, когда русское было прекрасно. И мне хотелось бы возродить это.

- Одного вашего имени достаточно, чтобы конкурс стал событием, но вы собрали столько знаменитостей со всего мира и в жюри, и среди почетных гостей, что трудно представить всю грандиозность будущего мероприятия. Конкурс пройдет в августе, а уже сейчас заявок больше, чем достаточно.

- Заявок много. Из "Гранд опера", из "Нью-Йорк сити балета" - баланчинская труппа отличная - они все приедут. Мне больно, что многих придется отсеять. Ужасно хочется сделать побольше премий и призов. Чем больше поощрений, тем лучше для искусства. Есть специальная премия для балетмейстера.

- Важные жизненные решения вы принимаете единолично или советуетесь с кем-нибудь?

- Я очень часто принимаю решения единолично. К сожалению. Но иногда, когда слушаю Шедрина, получается хорошо.

- Что же мешает слушать его всегда?

- Глупость, наверное.

- Вы собираетесь еще что-то сделать вместе?

- Нет. Сейчас он очень занят. Невпроворот работы. Для Ростроповича написал виолончельный концерт с оркестром и по заказу Петербургского оркестра, там какой-то феноменальный трубач, тоже Концерт для оркестра с трубой.

Еще написал оперу "Лолита" на собственное либретто, как и "Мертвые души". В декабре будет премьера в Стокгольме. Опера уже переведена на шведский язык, сделаны декорации, клавир напечатан потрясающий. Сейчас Шедрин расписывает оркестровку. Так что мне уже места не хватает. И потом, я не работаю нигде, я работаю везде понемногу. Когда я была в Большом, чтобы меня не затоптали, он мне делал балеты.

- Вы не ревнуете его к работе?

- Нет, я очень рада. Это такие потрясающие вещи.

- А как вы отнеслись к предложению сыграть на сцене Александринского театра?

- Дело в том, что Галя Вишневская уже играет. А по ее стопам идти будет странно немного, даже смешно. Как будто не я придумала, а хочу подражать, этого во мне никогда не было. Все, что я делала, хотели сделать другие. И все, что делали другие, я никогда не повторяла. Изначально же это была идея Эфроса, который пригласил меня сниматься, что оказалось заразительным.

Хотя, я считаю, что способнее к драме, чем к балету. Я хотела быть драматической актрисой с самого начала, но меня отдали в балет.

Беседовала Людмила ИВАНОВА,

С.-Петербург

Фото Юрия Барыкина